

А.М. Сунгурский

ГОСТЬ ЗА СЕДЬМЫМ СТОЛОМ

ДЕТЕКТИВ

А.М. Сунгурский

Гость за седьмым столом

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Гость за седьмым столом / А. Сунгурский — «Автор», 2026

На свадьбу Лиды и Романа приглашены пятьдесят восемь человек. Мужчина за седьмым столом — пятьдесят девятый. Его представляют как гостя со стороны невесты, хотя сама невеста видит его впервые. До конца вечера мужчина не доживёт. Следовательно Марине Юдиной предстоит восстановить праздник по чужим воспоминаниям. Фотографии не сходятся с часами, свидетели путают людей, а самые уверенные ответы повторяют чьи-то слова. Один гость скрывает долг. Мать жениха тайком доплатила за праздник. Официантку просят хорошенько подумать, прежде чем говорить. Чтобы понять, кто убил незнакомца, Марине нужно выяснить, зачем ему заранее приготовили место. Но каждый новый вопрос попадает в чью-то личную жизнь — и не всякая ложь прикрывает убийство.

Содержание

Глава 1. Лишний прибор	5
Глава 2. С какой стороны	11
Глава 3. Имя на воскресенье	17
Глава 4. Вещи, которые забирают	22
Глава 5. Первый просмотр	27
Глава 6. Чужая смена	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

А.М. Сунгурский

Гость за седьмым столом

Глава 1. Лишний прибор

Стул пришлось нести из маленького зала. У всех остальных спинки были плетёные, медовые, а этот оказался белым, с круглой царapiной на сиденье, будто кто-то долго крутил на нём монету. Лена попробовала стереть круг влажной салфеткой. Не получилось.

— Чехлом закрой, — сказал Артём.

— Тогда один будет в чехле.

— Скажешь, почётный.

Он держал конец скатерти зубами и расправлял складку обеими руками. До приезда молодых оставалось сорок минут. На террасе флористка опрыскивала цветы, чтобы они пережили церемонию, повар требовал вернуть гастрoёмкость, которую никто не брал, а из колонок в пятый раз начиналась песня про любовь. До слов она ни разу не дошла: человек за пультом слушал вступление и снова выключал.

Лена поставила стул между двумя медовыми. Восемь человек за круглым столом помещались хорошо. Для девятого приходилось сдвигать всё: хлебную тарелку, бокалы, вазочку с ромашками. За новым местом спинка упиралась в проход.

Она отступила к стене и попробовала пройти с пустым подносом. Поднос задевал соседний стул.

— Не пройду.

— Боком.

— С горячим тоже боком?

Артём выпустил скатерть.

— Лен, я не распорядился. Мне сказали принести.

Она знала. Распорядился управляющий Кирилл Андреевич Зотов, минут десять назад. Шёл через зал, остановился у седьмого стола, посмотрел на табличку с номером.

«Здесь ещё прибор. Ближе к служебной двери».

Лена переспросила про человека: взрослый, ребёнок, будет ли горячее? Управляющий сказал, что взрослый и всё будет, а в ведомости он отметит сам. От него пахло лосьоном и кофе. На манжете белой рубашки была тонкая серая полоска; должно быть, задел дверной косяк.

Теперь он стоял у входа с телефоном у уха и показывал кому-то на парковку. Лена махнула ему, но он поднял палец: подожди. Пришлось идти самой.

— Кирилл Андреевич, девятый не влезает. Можно приставить к восьмому? Там дети, им проще.

— Здесь.

Он отвернулся, дослушал человека в телефоне и сказал уже ему:

— Подойдёшь через главный вход. Никуда обходить не надо.

Лена посмотрела на часы над баром. Без двадцати четыре. Она заканчивала смену в другом кафе накануне в час ночи, спала пять часов и собиралась сегодня дотянуть до последнего автобуса. За банкет обещали больше обычного. Ксения, координаторка, написала: «Ты справишься с двумя столами, там спокойные люди». Два стола пока означали девятнадцать человек, если считать лишнего, и расстояние через весь зал до кухни.

Управляющий убрал телефон.

— Этот гость ненадолго. Посидит и уйдёт.

— Его же в рассадке нет.

— Потом впишем.

Ксения слышала их у дверей. На ней были льняной костюм, кроссовки и маленькая сумка, в которую помещалось непонятно сколько нужных вещей. За первые полчаса она достала оттуда пластырь, зарядку, нитки, две прищепки и таблетки от головы. Сейчас из сумки торчал распечатанный план рассадки.

— Какой гость?

— Один человек добавился, — сказал управляющий. — Со стороны невесты.

Ксения быстро провела пальцем по листу.

— Лида мне никого не добавляла.

— Она же не лично каждого встречает. Разберёмся.

Он улыбнулся так, как улыбался при закрытии неудобного вопроса. Лена успела узнать эту улыбку за три подработки в «Липовом саду».

— У меня пятьдесят восемь, — сказала Ксения.

— У меня тоже всё посчитано.

— Тогда согласуйте с кухней. Чтобы потом не оказалось, что я заказывала пятьдесят восемь порций, а кормить надо...

— Ксения, я согласую.

Она чуть покачала головой, но спорить не стала. Из машины у входа вылезла женщина с большой коробкой. Коробку держали снизу сразу трое, и Ксения побежала помогать.

Лена вернулась к седьмому столу. Сдвинула вазочку на ширину ладони. Белый стул всё равно выглядел чужим. Она повязала ему на спинку оставшуюся кремовую ленту, и стало ещё хуже.

— Сними, — сказал Артём. — На поликлинику похоже.

Она сняла.

В четыре приехали родители. Пока молодые фотографировались у старой липы, гости познакомились, выбирая, с кем им легче простоять следующие полчаса. Мужчины показывали друг другу, где оставили машины. Женщины придерживали каблук на щебёнке. Два мальчика выясняли, можно ли подойти к реке, и получили три разных ответа. Лена разносила воду и боялась за стеклянные бокалы на краю каменного бордюра.

Невеста оказалась той самой девушкой, которая неделю назад приезжала выбирать скатерти. Тогда у неё были джинсы с белым пятном на колене и папка с образцами тканей. Она трогала каждый образец обеими руками, мяла, смотрела на свет. Сегодня её звали Лидочкой, просили повернуться, не щуриться и хотя бы на минутку убрать с лица волосы.

— Они обратно падают, — говорила она.

— Мы сейчас закрепим.

— Не надо, я потом голову не поверну.

Жених рассмеялся, и фотограф попросил обоих оставаться именно так. У жениха в этот момент была перекошена бабочка. Мать заметила и уже шла исправлять, но фотограф поднял ладонь.

— Пять секунд, пожалуйста. Вот сейчас хорошо.

Мать остановилась, очень прямо держа спину.

Лена прошла мимо с подносом и услышала, как невеста сказала жениху:

— Ром, а если я сейчас чихну?

— Чихни на меня.

Оба снова засмеялись. Фотограф щёлкал быстро, почти не опуская камеру. Потом отошёл к своей сумке, сменил объектив и велел гостям собираться у арки.

Человек для белого стула появился, когда уже расселись.

Лена увидела его сначала в зеркале над стойкой: тёмно-синий пиджак, обычные чёрные туфли, плоская сумка на длинном ремне. Цветов у него не было. Он остановился у входа, разглядел столы и чуть приподнял голову, будто искал знакомого выше остальных.

Кирилл Андреевич вышел из служебного коридора.

Они не обнялись. Управляющий положил ладонь мужчине на плечо и, наклонившись, сказал ему что-то на ухо. Мужчина ответил негромко. Улыбки у них появились не сразу и в разное время.

Лена стояла достаточно близко, чтобы видеть, как управляющий снял ладонь.

— Сюда, пожалуйста, — сказал он уже громко. — Мы для вас приготовили.

Он сам отвёл человека к седьмому столу.

Свободный стул оказался задвинут под скатерть. Соседка со сложной причёской положила на него крошечную серебряную сумочку. Она поспешно убрала её и подвинулась, заметив, что мужчина ждёт.

— Простите, мы думали, запасной.

— Он и есть запасной, — сказал мужчина. — Просто я тоже.

Соседка улыбнулась. Управляющий ещё на мгновение задержался возле стола, потом быстро пошёл к молодым.

Лена поставила перед новым гостем воду.

— Вам принести закуски отдельно?

— А общие уже нельзя?

— Можно. Я думала, неудобно через весь стол тянуться.

— Тогда принеси, пожалуйста. И хлеба. Я с утра ничего не ел.

Он заметил её взгляд и поправился:

— Принесите. Извините.

— Можно на ты.

— Павел.

Он показал на маленькую карточку у её воротника.

— Лена?

Она кивнула и пошла на кухню. Ей нравились гости, которые читали имя, прежде чем щёлкать пальцами. Но за вторым столом уже поднимали пустой графин, а у пятого ребёнок уронил вилку. Она успела забыть о Павле до того, как поставила ему тарелку.

За столом спрашивали, с кем он знаком. Ведущий как раз объявлял родителей невесты, и Лена слышала только обрывки.

— ...со стороны...

— А, ну мы тоже...

— ...ещё в старом помещении, на Полевой...

Когда микрофон замолчал, мужчина в сером костюме сказал:

— Мир тесен.

Павел повернул к нему лицо.

— Когда деньги должен — особенно.

Мужчина засмеялся. Другие тоже решили, что это шутка.

Позже Лена не могла вспомнить, кому именно предназначались эти слова.

В шесть кухня начала отдавать первое горячее. Раиса Михайловна ругалась на зелень, которую вымыли, но не обсушили. На белых тарелках оставались водяные разводы. Артём ждал у раздачи, держа сразу два подноса, хотя с двумя выходить ему было запрещено.

— Сама бы за девятнадцать побегала, — сказал он, когда Лена забрала у него один.

— У меня тоже девятнадцать.

— У тебя хоть один на выход.

Павел не уходил.

Он сидел боком, чтобы не мешать соседке. Пиджак повесил на спинку. Из нагрудного кармана рубашки торчали дужки очков. Когда гости вставали поздравлять молодых, Павел вместе со всеми поднимался, но к микрофону не шёл. Конверта на общий поднос не положил. Зато помог пожилой женщине, у которой рассыпались таблетки из маленькой коробочки: подобрал упаковку, проверил защёлку, вернул.

— Надо резинкой, — сказал он. — Тут крышка уже болтается.

— Я сама знаю.

— Тогда я зря умничаю.

Она посмотрела на него и засмеялась сердито, с удивлением.

На свадьбах люди часто разговаривали именно так: сперва защищались, потом вспоминали, что приехали веселиться.

Ближе к семи он поднялся из-за стола и пошёл через зал. У прохода столкнулся с другом жениха, высоким темноволосым парнем, которого ведущий всё время называл Тимуром и просил помочь то с колонкой, то с конкурсовой коробкой.

Павел взял его под локоть.

Тимур высвободился так быстро, что Лена обернулась. Она несла грязные тарелки и не могла остановиться, но слышала:

— Здесь-то зачем?

— А где тебя ловить?

— Не начинай.

Павел что-то ответил. Тимур посмотрел поверх его плеча на стол молодых и, понизив голос, сказал:

— Пойдём выйдем.

Они направились к главному входу. Управляющий в этот момент беседовал с матерью жениха. Лена узнала её по ровной спине. Женщина держала небольшой конверт обеими руками; Зотов не брал его.

Через несколько минут Тимур вернулся один. Заметив Лену, спросил, где можно вымыть руки, хотя туалет был прямо за его спиной и он уже ходил туда.

— Там, — показала она.

Он посмотрел, словно увидел дверь впервые, и ушёл.

Павел появился после него. На губе у него был маленький тёмный след. Лена решила, что он пил вино. Когда она предложила салфетку, мужчина приложил её к губе, взглянул на неё и смял.

— С горячим подождите? — спросила она.

— Я уже поел.

— Второе сейчас будет.

— Здесь, значит, два раза кормят.

— И торт.

— Торт вряд ли дождусь.

Он посмотрел туда, где управляющий проверял сложенные у стены стулья.

Во второй половине вечера всё стало происходить одновременно. На террасе понадобились бокалы для общей фотографии. В зале двигали столы, освобождая место для танца. Флористка искала человека, который обещал увезти арку. Один из гостей попросил зарядку и исчез вместе с ней, после чего за ним послали Лену. Оказалось, он нашёл розетку возле холодильников и сидел там на коробке, разговаривая по телефону.

— Мне никто не сказал, что нельзя.

— Здесь работают.

— Я тоже работаю.

Она всё-таки вывела его в зал и вернула Ксении зарядку. Координаторка посмотрела на часы и произнесла в гарнитуру:

— Олег, ещё один общий кадр, и заводим их. Танец и так уже задержали.

В какой-то момент Кирилл Андреевич попросил её принести чистую салфетку. На правом рукаве его рубашки была мокрая полоса.

— Соус? — спросила Лена.

— Вода. Просто салфетку.

Она принесла стопку. Он взял одну салфетку левой рукой, потом ещё две и стал промокать правую манжету. Салфетка зацепилась за застёжку часов на левой руке. Зотов снял её, не глядя, и продолжил вытирать рукав. Лена ушла к своим столам.

Белый стул был пуст.

Это её обрадовало: проход освободился. Она забрала использованную тарелку, спросила соседку, будет ли Павел ещё есть.

— А кто это?

— Мужчина рядом с вами сидел.

— Он сказал, ему поговорить надо.

На тарелке оставалась половина котлеты. На салфетке лежали очки. Лена не стала их трогать. Если человек оставил очки, он, скорее всего, вернётся.

Перед первым танцем Валерий Чернов долго объяснял гостям, как важно убрать телефоны и посмотреть друг на друга своими глазами. Гости послушали и подняли телефоны выше. Свет в зале убавили. Молодые вышли на середину: Лида босиком, Роман без пиджака. Она что-то сказала ему, он кивнул, и они начали танцевать без заранее видных шагов, осторожно, иногда сбиваясь.

Мать жениха плакала. Отец невесты смотрел в стол и улыбался. Ксения стояла у пульта и держала ладонь на плече человека со звуком, чтобы тот ничего не перепутал.

Лена тоже остановилась. У неё был поднос с пустыми бокалами, поэтому снять танец она не могла. Ей хотелось, чтобы никто не заметил, что она стоит без дела.

Когда включили обычный свет, Павел ещё не вернулся.

Очки лежали на салфетке.

К торту потребовались новые скатерти для двух приставных столов. Чистые хранили в бельевой. В начале смены Лена уже брала оттуда чехлы и знала, где лежат длинные, без шва посередине.

За дверью кухни стало прохладнее. В служебном коридоре гудела вытяжка. На плитке возле раздачи лежала кожура лимона; Лена подняла её бумажным полотенцем, чтобы кто-нибудь не поскользнулся, и выбросила.

Бельевая находилась в старой части здания. Когда-то там был отдельный летний бар, потом его соединили с рестораном проходом. Уличная дверь сохранилась. Ею пользовались при разгрузке и когда выносили бельё. Над внутренней дверью висела жёлтая лампа, которую невозможно было вкрутить ровно: плафон всё время косил вправо.

Лена нажала выключатель.

Сначала она увидела открытый шкаф. Потом — лежавшую на полу сумку. Ремень протянулся к нижней полке.

Павел сидел между шкафом и стеной, слишком низко и неудобно. Одна нога была согнута, другая вытянута через проход. Лицо отвернулось к стене.

— Вам плохо?

Она сделала шаг и остановилась. Синий пиджак сполз с одного плеча. На открывшейся белой рубашке была тёмная полоса. Ещё одна уходила за воротник. Под головой на полу блестело.

Из зала донеслось дружное «горько». Кто-то стукнул по стеклу ложкой.

— Вам плохо? — повторила Лена.

Она не хотела подходить. Ей стало стыдно, что не хочет, и от этого стыда ещё страшнее.

— Артём!

Он не услышал.

Лена побежала до кухни. Дверь ударила её по локтю, но боли она не почувствовала.

— Там человек.

Раиса Михайловна подняла голову от блюда.

— Какой человек?

— Там Павел. На полу.

Артём сразу пошёл за ней. Она осталась у двери бельевой, пока он приседал рядом с мужчиной. Он коснулся его шеи, отдернул руку, посмотрел на пальцы.

— Звони.

— Кому?

— В скорую, Лен. Звони.

Она достала телефон. Экран не узнавал мокрый палец. Пришлось вытереть его о брюки. Когда ответили, Лена назвала адрес ресторана и сказала, что здесь мужчина, кровь и он не отвечает. Её попросили не класть трубку.

Артём уже слушал её ответы, наклонив голову. Потом попросил включить громкую связь. Голос в телефоне задавал короткие вопросы. Лена отвечала, глядя на спину Артёма.

Кирилл Андреевич появился в коридоре, когда она называла примерный возраст.

— Что случилось?

Лена прижала телефон к груди.

— Человек умер.

— Кто сказал, что умер?

Он протиснулся мимо неё. Потом остановился, взявшись за косяк. Вытяжка шумела так громко, что Лена сперва не расслышала, как он велел Артёму выйти.

— Я уже позвонила, — сказала она.

Зотов повернулся.

— Правильно.

Он произнёс это спокойно. Подошёл к ней, взял за плечо, вывел на несколько шагов в сторону.

— Посиди у персонала. Я здесь сам.

— Они спрашивают...

— Дай телефон.

Лена отступила. Она сама не поняла почему. В трубке ещё что-то говорили, и она снова поднесла её к уху.

Управляющий посмотрел на телефон, потом на неё.

— Хорошо. Говори. Я встречу.

Он пошёл к главному входу.

Лена стояла возле кухни. На её чёрных брюках остался мокрый отпечаток ладони. Она смотрела на него, пока голос в телефоне не попросил её повторить название ресторана.

В зале уже начали выкатывать торт.

Глава 2. С какой стороны

У поворота к ресторану стоял мужчина в расстёгнутой белой рубашке. Он махал каждой машине, потом различал лицо водителя и опускал руку. Увидев служебную, снова поднял обе ладони.

— Здесь, здесь. Только туда нельзя, там скорая.

Оперуполномоченный Степан Костин проехал чуть дальше и остановился возле мусорного ограждения. Марина проверила телефон. Двадцать один сорок три. Сообщение о происшествии пришло ей, когда она разбирала дома сушилку: одна пластиковая ножка треснула, бельё лежало на полу, и она сначала решила, что телефон вибрирует где-то под полотенцами.

Мужчина подошёл прежде, чем она вышла.

— Зотов Кирилл Андреевич, управляющий. Спасибо, что так быстро.

— Юдина, Следственный комитет. Кто обнаружил?

— Официантка. Я вам покажу.

— Её имя?

— Елена. Кулагина. Она сейчас в комнате персонала, я попросил её посидеть. Девочка испугалась.

Марина посмотрела на него. Аккуратная стрижка, хорошая рубашка, сильные руки с коротко остриженными ногтями. На левом запястье часы. Нижнюю пуговицу он застегнул не в ту петлю: ткань сходилась наискось. Он заметил её взгляд и поправил рубашку.

— Там гости, вы понимаете. Я не знаю, что им говорить.

— Что произошло несчастье и работают службы. Не нужно объяснять больше, чем вы знаете.

Он закивал, но остался рядом.

Из зала через приоткрытые двери доносились голоса. Музыка не играла. В тёплом воздухе пахло мясом с углей и водой из реки. Под аркой белели цветы, на ступеньке лежала пластиковая палочка от детского воздушного шара. Марина обошла её.

У служебного входа уже находились двое сотрудников полиции. Один записывал что-то у мужчины в сером костюме, другой не пускал людей в коридор. Врач скорой говорил по телефону у машины. Его коллега закрывала сумку. Увидев Марину, он закончил разговор.

— Констатировали, — сказал он. — Подробности и время дам. Мужчину до нашего приезда пытались проверить, потом мы переместили для осмотра. Тот парень объяснит, что делал первым.

Он показал на молодого официанта, сидевшего на ступеньках. У того была белая рубашка с мокрыми разводами на груди. На коленях лежал пакет с использованными перчатками, который ему только что велели не брать в руки.

Марина кивнула. Сначала предстояло понять, что в помещении сохранилось, а что изменили люди, пытавшиеся помочь. Такие изменения были неизбежны и имели свои причины. Их надо было зафиксировать, а не сердиться на человека за то, что он не думал о будущем протоколе.

Костин остался во дворе. Через несколько минут подъехали криминалист и судебный медик. Пока они доставали вещи, Марина выслушала сотрудника, первым оказавшегося внутри. Труп находился в подсобном помещении, рядом с ним кровь, документов при беглом осмотре не искали, дверь во двор открыта. Управляющий утверждал, что мужчина пришёл на свадьбу.

— Кто-нибудь ушёл?

— Много кто до вызова. После — записываем. Одни уже в такси сидели.

— Тех, кто действительно что-то видел, отдельно. Остальных данные и контакты. Детей не держите в зале до утра.

Она не могла запретить всем людям разъехаться одним движением руки. Но могла постараться не потерять тех, чьи воспоминания ещё не успели превратиться в общий рассказ.

Бельевая оказалась длинной комнатой с одним высоким окном. Слева стояли два металлических шкафа, справа — стол с коробками салфеток и одноразовых скатертей. Тканевое бельё лежало на открытых полках. Уличная дверь выходила в хозяйственный двор; к ней поднимались по трём бетонным ступеням. Вторая дверь вела в коридор кухни. Обе можно было пройти обычным шагом, без ключа, если их заранее не заперли.

Мужчина лежал на спине между шкафом и столом. Голова была повернута к окну. Возле плеча смялась светлая ткань, которую, по словам врача, использовали в первые минуты помощи. Синий пиджак лежал в стороне. Плоская сумка оставалась под нижней полкой.

Марина остановилась там, где ей указал криминалист. Его звали Антон Петрович Беспалов. Он давно перестал говорить новичкам «пока ничего не трогайте», потому что новички обижались, а опытным иногда было полезно услышать то же самое.

— Здесь пройдёшь, — сказал он. — Дальше подожди.

Вдоль шкафа тянулась полоса бурого. На дверце оставался след, похожий на касание ладони. Как именно он возник и чья это была рука, ещё предстояло установить.

У мужчины было широкое лицо, тёмные брови, короткие волосы, тронутые сединой у висков. На щеке виднелась старая маленькая впадина. Он мог бы сидеть в очереди к стоматологу или выбирать на рынке шуруповёрт. Марина поймала себя на этой ненужной мысли и перевела взгляд на одежду.

Белая рубашка, тёмные брюки. На правом колене пыль. Кожаный ремень без заметной пряжки. Один шнурок развязался.

Судебный медик, женщина лет пятидесяти, которую Марина знала как Нелли Борисовну, присела возле головы. Говорила она негромко, для записи, иногда просила направить свет иначе.

— Вы мне сейчас время не скажете, — произнесла Марина, когда та выпрямилась.

Нелли Борисовна посмотрела на неё поверх очков.

— Если ты сама уже всё понимаешь, зачем спрашиваешь?

— Для порядка.

— Для порядка — после исследования. Здесь есть повреждение головы. Причину смерти установим. Точную минуту не обещаю и потом.

— Часовой интервал?

— Марина.

— Поняла.

Нелли Борисовна кивнула и снова наклонилась к телу.

У стола лежал тяжёлый чёрный предмет с резиновой полосой снизу. Дверной упор, плоский, с короткой металлической рукояткой. На одной стороне темнело пятно. Беспалов отдельно его сфотографировал. Не поднял раньше времени, не объявил орудием убийства. Поставил рядом номер.

Возле ножки шкафа Беспалов заметил несколько мелких частиц. Одну, прозрачную, он снял крупно и вместе с остальными образцами упаковал отдельно, указав место обнаружения. Марина не стала спрашивать, от чего она откололась: пока это был ещё один предмет для исследования.

Марина заметила, что уличная дверь сейчас держалась сама: доводчика не было. Для чего здесь обычно требовался упор, следовало спросить у работников. У каждого предмета в служебной комнате была своя обычная жизнь, и только затем — возможная роль в том, что произошло.

Паспорт нашли во внутреннем кармане сумки. Павел Викторович Кочетов, сорок четыре года. Там же лежали бумажник, связка ключей, блокнот, зарядный провод и сложенные вдвое листы. Телефон обнаружился в кармане брюк. Экран не загорелся от случайного движения.

Листы пока только зафиксировали на месте. Марина увидела таблицу, несколько сумм, рукописную пометку на нижнем поле. Надпись была слишком далеко, чтобы читать её уверенно. Она отвела взгляд.

В зал её позвал Костин.

— Там обе семьи пытаются объяснить, кто он такой. Сходи.

— Объясняют?

— Пока друг другу.

У барной стойки стояли жених и невеста. Платье у невесты снизу намокло; она придерживала юбку обеими руками, как тяжёлую сумку. Жених обнимал её за плечи. Рядом находились две женщины и мужчина, очень похожий на неё глазами.

Марина представилась, попросила убрать посторонних. Бледная координаторка в льняном костюме сразу сказала, что она здесь работает и ей тоже надо понимать, что происходит.

— Поговорим со всеми, — ответила Марина. — Сейчас с молодыми.

Отец невесты собрался возразить, потом посмотрел на дочь и отошёл.

— Как вас зовут?

— Лида. Лидия Астахова.

— Фамилию меняли?

— Нет. Я... мы решили потом, если...

Она запнулась. Марина сказала, что этого достаточно, и обратилась к жениху.

— Роман Серебров.

— Павел Кочетов. Вам знаком этот человек?

Они посмотрели друг на друга.

— Мы поняли, что родственник Лиды, — сказал Роман.

Лида медленно повернулась к нему.

— Кто — мы?

— Ну мама так сказала.

— Я у мамы спрашивала. Она решила, что с твоей стороны.

— Когда спрашивала?

— Ром, сейчас это важно?

— Для меня важно, — сказала Марина.

Лида прижала юбку к животу.

— За столами. Я его увидела, не узнала. Спросила у мамы, она сказала, что, наверное, ваш знакомый.

— Ваш — Романа?

— Да.

— Потом кто-то сообщил вам иначе?

— Кирилл... управляющий. Он проходил, я спросила, всё ли в порядке, и ещё сказала: а тот человек пришёл с кем? Он ответил, что гость со стороны невесты. Я подумала, папин знакомый. Папа вечно кого-нибудь встречает.

— Вы спросили у отца?

— Нет. Я собиралась. Потом нас позвали фотографироваться.

Роман убрал руку с её плеч. Он, кажется, хотел посмотреть на неё целиком, понять, правильно ли услышал.

— То есть ты тоже не знала?

— Я тебе уже сказала.

За их спинами разрезали торт. В зале было тихо, поэтому слышался каждый удар ножа о подставку. Кто-то решил, что детям нужно поесть перед дорогой, и продолжал делать единственное понятное дело.

Марина попросила показать список гостей.

Ксения принесла два листа. Один был распечатан на плотной бумаге, с рисунком веток по краю. Во втором, рабочем, возле имён стояли отметки: аллергия, детская порция, без рыбы. В обоих было пятьдесят восемь человек. Фамилии Кочетова не оказалось.

— Кто добавил место?

— Ресторан, — сказала Ксения. — Я узнала, когда уже поставили стул. Мне сказали, с Лидиной стороны.

Лида закрыла глаза.

— Почему никто не спросил меня?

Ксения тихо ответила:

— Ты сказала, чтобы в день свадьбы тебя не дёргали с организацией.

Жених рассердился.

— Это что, теперь она виновата?

— Никто не говорит о виновности, — остановила их Марина. — Сейчас мы устанавливаем, откуда появилась информация.

Она попросила Лиду и Романа по отдельности вспомнить, кто первым назвал незнакомца своим гостем. Они снова начали советоваться. Пришлось развести их хотя бы на несколько шагов.

Управляющий ждал у входа в кухню.

— Вы знакомы с Павлом Кочетовым?

Он не сразу ответил.

— В лицо — да. Теперь понял, когда вы сказали фамилию. Поставками занимался, кажется.

— Кажется?

— Здесь много людей проходит. У меня свадьбы, поминки, корпоративы, доставка каждый день.

— Сегодня он пришёл по вашему приглашению?

— Нет. Пришёл на праздник.

— Откуда вы это знаете?

— Он так сказал.

— Что именно?

— Что с невестой. Со стороны невесты. Я не расспрашивал его о родословной.

Он попытался улыбнуться, но Марина не поддержала.

— Кто распорядился поставить ему стул?

— Я.

— Когда?

— Когда он пришёл. Может, чуть раньше кто-то сообщил, что будет ещё человек. Надо у координатора спросить. В таком движении всё перемешивается.

— Координатор говорит, что сообщали вы.

Зотов провёл пальцами по подбородку.

— Значит, я. Тогда я и сообщил. Не понимаю, зачем сейчас к этому цепляться.

— Я пока ни к чему не цепляюсь.

— Извините. День тяжёлый.

Он посмотрел на свои часы. Марина отметила движение, не придав ему смысла. Почти все люди смотрели на часы, когда понимали, что их планы уже не имеют значения.

В комнату персонала она зашла одна.

Лена сидела на скамье у шкафчиков. В руке держала стакан, но воды в нём уже не было. На соседнем стуле лежали сумка и серый свитер. У девушки дрожала нога; она прижала колено свободной ладонью.

— Вам сколько лет?

— Двадцать четыре.

— Марина. Я следователь. Мне нужно узнать, что вы видели. Если вам плохо, скажите.

— Мне не плохо. Только... когда закрою глаза, он там сидит.

Марина придвинула к ней ещё один стул.

— Расскажите сначала про вызов. Потом вернёмся к вечеру.

Лена показала экран телефона. Вызов в экстренную службу начался в двадцать один ноль девять. К этому времени она уже увидела Павла, побежала за Артёмом и вернулась. Сколько именно прошло между дверью бельевой и звонком, не знала. «Минуты две, может, меньше». Марина записала её слова именно так.

Потом Лена рассказала, что мужчина сначала сидел у шкафа, головой к стене. Что Артём пытался понять, дышит ли он. Что после приезда бригады их обоих вывели. Что Кирилл Андреевич попросил дать ему телефон, а она почему-то не дала.

— Он хотел поговорить с диспетчером?

— Наверное.

— Он это сказал?

Лена покачала головой.

— Тогда пока так и оставим. Попросил телефон.

Девушка взглянула на неё впервые с вниманием.

— Вы всё прямо словами будете?

— Постараюсь.

— Тогда он не сказал «дай». Он сказал: «Дай телефон». Полностью.

Марина кивнула. Девушка смутилась, поняв ненужность уточнения, и уставилась в стакан.

Лена вдруг посмотрела на собственный рукав.

— Он перед танцем ещё салфетки просил. Кирилл Андреевич. Правую манжету намочил, вытирал. Я принесла.

— Вы видели, чем он её намочил?

— Нет. Он сказал, водой. Полоса мокрая была, это я видела.

— Кровь заметили?

— Нет. Просто мокрое.

Марина записала и спросила, удалось ли привязать просьбу к какому-нибудь событию. Лена помнила только, что к танцу тогда ещё готовились. Точнее не знала.

Они вернулись к началу смены.

— Во сколько вы приехали?

— В половине третьего. Артём раньше был.

— Во сколько поставили дополнительное место?

— Перед четырьмя. Я помню, потому что смотрела на часы над баром. Ещё сорок минут до приезда молодых было по плану.

— Павел уже был в ресторане?

— Нет.

— Вы уверены?

— Я его потом встретила. Он позже всех пришёл, когда сели.

Марина не стала повторять вопрос другой интонацией. Попросила вспомнить, кто присутствовал при распоряжении о стуле.

— Сначала Артём. Потом Ксения подошла, когда я спросила, можно ли за другой стол.

— Почему хотели за другой?

Лена оживилась, обрадовавшись простому.

— Там проход маленький. У седьмого и восьмого рядом спинки. Если он отодвинется, я с горячим задену. Я и сказала: поставим к детям, они не такие широкие.

Марина представила белый стул в проходе. Такую подробность можно было проверить. Её не требовалось объяснять ни страхом, ни желанием понравиться следствию.

— Что ответил управляющий?

— Что здесь. И гость ненадолго.

— Ненадолго?

— «Посидит и уйдёт». Так сказал.

У девушки снова задрожала нога.

Марина достала со стула свитер.

— Это ваш?

Лена кивнула.

— Наденьте. Здесь холодно.

В коридоре послышался голос Костина. Он просил кого-то не обсуждать с соседями, что именно рассказывать. Ответили ему сердито. Потом стало тише.

Марина подождала, пока Лена просунет руки в рукава.

— Очки ещё на столе, — сказала девушка вдруг.

— Чьи?

— Его. Он оставил. Я думала, вернётся.

Белый стул нашли быстро. На сиденье действительно была круглая царапина. На скатерти лежали очки в тонкой металлической оправе. Под салфеткой обнаружилась карточка, на которой зелёным фломастером было написано: «Павел».

Костин стоял рядом, глядя на почти пустой зал.

— Вот и познакомились.

Марина не ответила. Она смотрела на карточку и думала о промежутке между четырьмя часами и приходом человека, для которого уже приготовили место.

Глава 3. Имя на воскресенье

К двум часам ночи ресторан опустел. На асфальте перед входом остались две машины, которые хозяева не решились вести. Возле арки стоял забытый детский самокат. Ксения звонила кому-то и спрашивала, серебристый ли он и есть ли наклейка с динозавром.

Лида вышла последней из гостей. Уже в джинсах и длинной мужской рубашке, с плащем в прозрачном чехле. Роман забрал чехол у неё из рук, сложил пополам, потом неуверенно посмотрел на Ксению. Та расправила подол и объяснила, как положить, чтобы не помять вышивку.

Марина наблюдала через стеклянную дверь. Молодые несколько раз обернулись на зал, словно там оставалось дело, которое они забыли закончить. Роман хотел поднять самокат, Лида сказала, что это не их. Они дошли до машины её отца и сели сзади.

— Ты адреса взяла? — спросил Костин.

Марина кивнула.

Сотрудники уже собрали основные контакты. Завтра — теперь сегодня — людей предстояло вызывать и расспрашивать снова. Короткие объяснения в ночь, когда испугавшийся человек устал и выпил, не заменяли нормальной работы. Но и терять первое сказанное было нельзя.

На отдельном листе Марина записала четыре источника фразы «со стороны невесты». В сущности, источников оказалось меньше.

Ксения слышала её от Зотова. Лида — от него же. Роман — от матери. Мать, Эльвира Сереброва, сначала ссылалась на женщину за седьмым столом, а та — на то, что «так официантка сказала, когда усаживала». Официантка, Лена, повторила слова управляющего.

Получалось одно сообщение, которое, обойдя зал, вернулось к отправителю подтверждённым несколькими людьми.

Это ещё ни о чём не говорило. Управляющий мог принять слова пришедшего за правду. Мог скрывать какое-нибудь нарушение, не имевшее отношения к смерти. Мог путать время, потому что весь день решал десять задач сразу. Марина подчёркивала эти возможности в уме почти сердито: ей не нравилось, когда удобное подозрение начинало выглядеть установленным фактом.

Костин принёс из кухни кофе в бумажном стакане.

— Без сахара. Другого не нашлось.

— Другого кофе или сахара?

— Другого меня. Я в этом аппарате только одну кнопку понял.

Она взяла стакан. Кофе был сладким.

— Спасибо.

— У Кочетова брат в городе. Вадим. Адрес есть, наши сейчас к нему поехали. Телефон домашний никто не берёт.

— Сам живёт?

— Пока не знаю. Не по телефону же сообщать.

Из служебного коридора выкатили носилки. Мужчины остановились перед порогом, поправили крепление и продолжили. Управляющий стоял у стены и смотрел на пол. Марина заметила, что с него словно сняли праздничную оболочку: без гостей его движения стали медленнее, плечи опустились.

К ним подошёл Беспалов.

— Я закончил. Дальше помещение закрываем. Общий проход кухне оставили. Объясни им, куда нельзя лезть, а то уже приходили за тряпками.

— Кто?

— Работница. Ей сказали утром полы мыть, она хотела забрать ведро.

Марина подошла к Зотову. Попросила показать, кто из сотрудников останется утром, и объяснила порядок ещё раз. Он слушал внимательно, без прежней улыбки.

— У нас завтра юбилей, — сказал он. — На двадцать человек. Его отменять?

— Бельевой и этим выходом пока пользоваться нельзя. Всё остальное зависит от того, можете ли вы работать, не заходя сюда.

— Можем. Но люди...

Он не договорил. Марина понимала: известие о смерти дойдёт до заказчиков раньше завтрака. Решать за ресторан, как говорить с ними, она не собиралась.

— Скажите честно то, что знаете.

Он посмотрел на неё тяжело.

— Очень хороший совет.

В комнате персонала остались Лена и Артём. Девушка завязывала шнурки. Парень пытался найти в телефоне номер такси, где было бы дешевле. На автобус они уже опоздали.

Костин предложил довезти их до города. Зотов тут же сказал, что сам вызовет машину, за счёт ресторана.

— Уже договорились, — ответил Костин. — Нам по пути.

На заднем сиденье они почти не разговаривали. Артём один раз спросил, можно ли завтра не выходить на смену.

— Это с работодателем, — сказал Костин.

— А если он не отпустит?

Марина обернулась.

— Если вам плохо после случившегося, обратитесь к врачу. А со мной свяжетесь по этому номеру, когда я вас вызову. Телефон сохраните.

Лена держала визитку двумя руками.

— Нам уже рассчитаться обещали.

— За сегодня?

— Да. Обычно сразу. Теперь, говорит, в понедельник.

Артём толкнул её локтем.

— Не об этом сейчас.

Она отвернулась к окну.

Марине хотелось сказать, что можно и об этом. Человек не переставал нуждаться в деньгах оттого, что увидел смерть. Но чужой спор в машине не требовал ещё одного взрослого, объясняющего, как правильно чувствовать. Она только спросила, куда их довезти.

Лена вышла у круглосуточной аптеки. За углом ждал парень на велосипеде. Она что-то сказала ему, он снял рюкзак, надел на неё свою куртку. Артём посмотрел вслед и больше не шутил.

Дома Марина наступила на мокрое полотенце.

Сушилка всё ещё лежала поперёк ванной. Она оттащила её к стене, собрала бельё в таз. На кухне сын оставил ей записку: «Гречка в кастрюле. Я не съел. Сначала разогрей». Ниже стояла стрелка и дополнение: «Это не значит, что я вообще не ел».

Семёну было двенадцать. Он всё чаще предугадывал вопросы и заранее защищался от них.

Марина съела несколько ложек холодной гречки, постояла под душем и поставила будильник. Уснула почти сразу, не успев решить, куда утром ехать сначала.

В восемь двадцать она уже сидела у брата Кочетова.

Вадим жил на третьем этаже кирпичной пятиэтажки, в квартире с длинным тёмным коридором. На вешалке висели две рабочие куртки. У двери стояли детские кроссовки и упаковка плитки. Пахло подгоревшим хлебом.

Он открыл в домашней футболке, поверх которой надел чистую рубашку. Пуговицы не застегнул.

— У меня жена детей увела, — сказал он. — Я просил. Не хотел, чтобы...

Марина кивнула.

На кухне два тоста лежали прямо на разделочной доске. Один обуглился с края. Вадим убрал их, будто они мешали официальному разговору, потом вернул.

— Кофе?

— Не нужно, спасибо.

Он сел. Руки положил на стол ладонями вниз.

Сначала она повторила, кто она и по какому делу пришла. Объяснила, что какие-то вопросы могут показаться сейчас неуместными, но ей нужно установить последние дни Павла. Если он не может говорить, они начнут позже.

— Я всё равно не сплю.

— Вы вчера виделись?

— Утром. На складе. Он приезжал за папкой.

— Какой?

— С бумагами. Своими. Там по старым поставкам... Он сам скажет.

Вадим поднял голову. Две секунды смотрел на Марину. Потом сжал губы и провёл рукой по лицу.

Она подождала.

— По старым поставкам, — повторил он. — Не по всем. По одному месту.

— По ресторану «Липовый сад»?

— А вы уже знаете?

— Пока я спрашиваю.

Он откинулся на спинку.

— Понимаете, он мог на свадьбу прийти. Вообще запросто. Паша мог с человеком в очереди разговаривать, через неделю у того на даче забор красить. У него так было. Но в этот раз он туда по делу собирался.

— С кем встречаться?

— С Кириллом. Фамилию не помню. Управляющий. Всё обещал ему отдать.

— Что отдать?

— Деньги.

Вадим сказал это раздражённо, словно деньги сами были виноваты, что разговор движется таким простым путём.

— Сколько?

— Не знаю точно. Паша считал одно, тот другое. Около двух миллионов осталось, может, меньше. Не сегодняшние. Это ещё с позапрошлого года тянется.

Марина записала приблизительную сумму с оговоркой.

— Почему договорились на свадьбе?

— Потому что в будни его никогда не было. Здесь будет, там занят, завтра бухгалтер. А в субботу, говорит, я весь день на месте, подъезжай.

— Вы слышали разговор?

— Паша пересказал. Я сказал: «Ты ему ещё подарок купи». Он обиделся.

— Когда говорил?

— Вчера утром. Здесь нет, на складе. Я уже сказал.

Она видела, как раздражение помогает ему держаться. Он то и дело поправлял рукав, зацеплявшийся за край стола. На тыльной стороне ладони белел старый шрам.

— Он говорил, что именно ему обещали в субботу? Всю сумму, часть?

— Часть. Четыреста. Остальное расписать нормально. Он уже собирался подавать... к юристу ходил. Сказал, в понедельник больше не ждёт.

— У юриста имя есть?

Вадим встал, прошёл в коридор и вернулся с телефоном. Долго листал. Потом покачал головой.

— У меня нет. У него. Вы же телефон нашли?

— Нашли.

— Там всё будет.

Марина не стала обещать. Телефон был предметом, который требовал собственного порядка работы. Он не превращался в прозрачное окно в жизнь человека потому, что тот погиб.

— Кто ещё знал о поездке?

— Юлия могла знать. Бывшая жена. Тася.

— Тася?

— Дочь. Девятнадцать. Она сейчас в другом городе учится. Я ей позвонил утром.

Он снова положил руки на стол, на то же место.

— Она спросила: «А это точно папа?» Я сказал, что да. А сам-то его не видел.

— Личность установлена по документу. Вам ещё предстоит...

— Я знаю. Мне сказали.

Несколько секунд они молчали.

За стеной кто-то включил воду. Раздался звон посуды. Вадим повернулся на звук с таким выражением, словно удивился, что у соседей продолжается обычное воскресенье.

— Он был резкий? — спросила Марина. — Мог с кем-то поссориться?

— Мог. А вы бы не поссорились? Два года тебя кормят завтраками, а потом ты приезжаешь и видишь, как чужую свадьбу на твои деньги...

— Ресторан принадлежит управляющему?

— Нет.

Вадим остановился, поняв, что увлёкся.

— Я не знаю, на какие деньги свадьба. Просто Паша так сказал. Видимо, всё это уже...

Он стукнул пальцами по столу.

— Не был он тихим. Но и бандитом не был. Не надо из него...

— Я не делаю из него бандита.

— В интернете уже пишут.

Марина попросила показать.

В городском чате появился короткий текст: «На свадьбе в Липовом саду убили незваного гостя. Говорят, пришёл выбивать долг». Под ним спорили, кому предназначались деньги в конвертах. Фотографии Павла пока не было, зато разместили снимок молодой пары у арки.

Вадим убрал телефон экраном вниз.

— Люди женились. Теперь и у них это.

— Вы кому-нибудь рассказывали про долг?

— Соседу. Утром встретил. А что?

Она отметила и это. У сообщений было много путей, не обязательно один злой автор.

Перед уходом Марина попросила сохранить документы и переписку, ничего не сортировать по своему усмотрению и связаться с ней, если вспомнится имя юриста. Объяснила, как они оформят передачу относящихся к делу материалов.

Вадим проводил её до двери.

— Он очки вечно оставлял, — сказал он внезапно. — Если увидите где-то, заберите. Дорогие, он недавно...

Он осёкся.

— Извините.

— Мы нашли очки.

— Хорошо.

Ни ему, ни ей от этого не стало легче.

На лестнице Марина позвонила Костину.

— Зотов встречался с ним по поводу долга. Брат говорит, договаривались заранее. Оборудование, старая поставка. Сумма требует проверки.

— Зотов мне уже звонил.

— Когда?

— Полчаса назад. Хотел уточнить вчерашнее.

Марина остановилась у окна между этажами.

— Что уточнить?

— Что, возможно, Кочетов приходил не только на свадьбу. Что у них действительно оставались расчёты. Он ночью растерялся.

— И фамилию тоже вспомнил?

— Всё вспомнил. Очень извинялся.

Из квартиры внизу вышла женщина с пустым мусорным ведром. Посмотрела на Марину, посторожилась и пошла дальше.

— Я вызову его, — сказала Марина.

— Сегодня?

— Да.

— Он просит после трёх. У них юбилей.

Марина закрыла глаза на секунду.

— Сейчас свяжусь сама.

На улице было жарко. Возле подъезда мальчик набирал воду в пластиковый пистолет из бутылки, которую держала его старшая сестра. Когда Марина проходила, он направил ствол в землю и подождал. Сестра сказала ему спасибо.

Она дошла до машины и открыла окно, прежде чем завести двигатель. На экране появилось сообщение от Семёна: «Можно я к папе с ночёвкой? Он дома. Математику возьму».

Она написала: «Можно. Позвони, когда доедешь».

Потом набрала номер управляющего.

Он ответил почти сразу, назвал её по имени-отчеству и прежде, чем она задала вопрос, сказал:

— Я сам собирался с вами связаться. Вчера всё получилось сумбурно.

Глава 4. Вещи, которые забирают

Мастерская Кочетовых помещалась на территории бывшей автобазы. У въезда стоял шлагбаум, поднятый настолько давно, что под ним успела вырасти высокая трава. Охранник в будке смотрел телевизор без звука. Увидев Вадима, махнул ему и только потом заметил машину, которая ехала следом.

Марина оставила автомобиль у кирпичной стены. Костин уже ждал там, держал в руках два стакана чая и пакет с пирожками.

— Тебе с капустой.

— Почему?

— С мясом только один был.

Вадим отказался от еды. Пока он возился с замком, Марина надкусила пирожок и поняла, что с утра ничего не ела. Было почти двенадцать.

— Я открою, вы посмотрите, — сказал Вадим.

— Сначала уточним, чьё помещение и где чьи вещи. Мы не просто пришли походить.

Он кивнул с выражением человека, которому вновь мешают сделать очевидное.

Внутри пахло металлом, резиной и старым маслом. Вдоль стены стояли разобранные посудомоечные машины. На верстаке лежали подписанные пакеты с крепежом. Над ними висела фотография двух мужчин возле огромной плиты; один был Вадим, второй — Павел, моложе лет на десять, с чёрными волосами и очень белой улыбкой.

В помещении имелись две двери. За одной находилась комнатка с электрическим чайником, за другой — склад коробок. Оформляя осмотр и участие владельца, Марина слушала его рассказ.

— Мы сначала вдвоём работали. Потом он отдельно взял поставки, а я остался на ремонте. Здесь всё общее по привычке. Документы его в тумбе. Только это не значит, что я их знаю.

— Вы утром сказали, он приезжал за папкой.

— Да. Коричневая такая, на резинке.

— С собой унёс?

— Унёс. Я ему ещё дал пакет, потому что дождь собирался.

В бельевой нашли листы, но коричневой папки в сумке не было. Марина записала это. Вадим мог ошибаться, мог называть папкой обычную обложку; вещь могла остаться в машине или у другого человека. Пока она знала лишь о несовпадении.

— На чём он поехал?

— Машину здесь оставил. Попросил подбросить до остановки, а потом сказал, сам дойдёт. Он иногда без машины ездил, если хотел выпить.

— Вчера хотел?

— Не говорил. Я решил.

— Какую остановку?

Вадим показал через окно. За воротами проходила дорога к новым кварталам. Там останавливался автобус до центра; до ресторана можно было доехать другим маршрутом либо на такси. Костин отошёл звонить, уточнять, что уже установили о поездке.

Павел работал как индивидуальный предприниматель, закупал бывшее в употреблении оборудование, приводил его в порядок и перепродавал небольшим кафе. Иногда брал заказ на новые аппараты. Брат ругал его за то, что он соглашался на рассрочки без достаточной осторожности.

— Он считал, если человек тебе в глаза посмотрел, значит, уже половину отдал.

Вадим подошёл к верстаку и потрогал зелёную пластмассовую ручку отвёртки.

— Я ему говорил: глаза у всех есть.

В тумбе нашлись договоры, накладные, счета, несколько рукописных записей на листах, вырванных из блокнота. Всё это предстояло отделить от личных бумаг, описать и проверить. По поверхности нельзя было понять, какой экземпляр последний, где реальная оплата, а где лишь намерение.

На обложке одной папки было написано: «Осипова. Кухня. 2024». Вадим ткнул пальцем, не касаясь бумаги.

— Вот. Это тот ресторан. Галя. Он с ней договаривался сначала, а дальше Кирилл всем занимался.

— Вы Галину Осипову знаете?

— Видел. Два раза. Нормальная женщина.

— Вы у неё спрашивали про расчёт?

— Я — нет.

— Павел?

Вадим пожал плечами.

— Он говорил, что бесполезно. Она отвечает: «Всё через управляющего». А управляющий говорит: «Хозяйка не подписала». Вот он и ездил.

В одном из экземпляров стоимость оборудования составляла два миллиона семьсот тысяч рублей. В других документах имелись отметки о нескольких платежах. Марина не стала складывать их в уме и объявлять разницу долгом. Часть листов могла относиться к одной и той же операции, часть — к другой поставке.

Она спросила о бухгалтере.

— Зоя Петровна. На аутсорсе. Она завтра будет на связи. Сегодня у внука день рождения.

— Имя и телефон дайте. И предупредите, пожалуйста, чтобы сохранила все материалы. Вадим записал номер. Потом обернулся на тумбу.

— А это надо?

Он показал на небольшой прозрачный пакет. Внутри лежали пуговицы, два мелких ключа, флешка и старая монета с дыркой.

— Чьё?

— Пашино. Всё из карманов, когда он здесь переодевался.

Марина попросила пока оставить на месте. Посторонняя флешка не становилась важной уликой только потому, что помещалась в полицейский пакет.

Костин вернулся.

— Такси из центра. Машину и водителя нашли. Время сейчас уточнят по заказу.

Вадим смотрел на него, ожидая продолжения.

— Что он говорил в дороге, ещё не знаем, — добавил Костин.

— Он бы говорил. Паша молчать не умел.

Марина посмотрела на фотографию над верстаком. На ней оба брата держались одинаково: наклонив головы и широко расставив ноги, будто плитку только что поставили и они ещё ощущали её вес в руках. Но улыбался один Павел. Вадим и десять лет назад был недоволен тем, что их заставляют фотографироваться.

На столе возле чайника лежала детская открытка. Картон выщел, скотч по краям пожелтел. На ней был нарисован человек с очень длинными руками и написано: «Папа всё чинет».

— Дочкина, — сказал Вадим. — Он возил её из одного помещения в другое. Я предлагал в рамку. Он говорил, так удобнее.

Марина спросила, когда приезжает Тася.

— Вечером. Юля поедет встречать.

— Мне нужно будет с ними поговорить. Не сегодня, если не смогут.

Вадим кивнул.

На выходе он догнал её.

— Вы думаете, из-за денег?

— Мы проверяем и эту возможность.

— А остальные какие?

Она остановилась.

— Вадим Викторович, я не буду перечислять вам непроверенные подозрения. Как только появится информация, которую можно сообщить, я сообщу.

Он отвернулся к воротам.

— Да. Конечно.

Его обида была понятна. Брат погиб, а у посторонней женщины оказалось право решать, сколько правды ему сейчас положено.

Марина не пыталась исправить это утешительной фразой. Спросила, есть ли кто-нибудь, кто может сегодня побыть с ним. Он ответил, что жена вернётся после обеда, и забрал у Костина остывший пирожок.

— Всё-таки съем.

В отделе уже ждал Зотов.

Он приехал на десять минут раньше назначенного времени, в другой рубашке, светло-голубой. Рядом с ним сидела женщина с короткими волосами и жёсткой чёрной папкой. Она представилась адвокатом.

— Кирилл Андреевич попросил меня присутствовать при допросе.

Марина показала им, куда пройти. Зотов выглядел виноватым именно за то, что пришёл не один.

— Меня родственники уговорили. Чтобы я опять не...

— Это ваше право, — сказала Марина.

Она установила личность, объяснила права и порядок. Адвокат спокойно уточнила, в каком качестве вызван её доверитель. Когда с этим разобрались, Зотов сел чуть свободнее.

Его новый рассказ оказался значительно длиннее ночного.

Да, Кочетов поставлял оборудование. Да, расчёты затянулись. Нет, вся сумма не зависела от управляющего: были претензии по качеству, поломки, несогласованные работы. Накануне Павел позвонил и сказал, что подъедет в субботу. Зотов попросил не раньше окончания основных приготовлений, поскольку день занят свадьбой.

— Он сказал, что всё понимает, — объяснял управляющий. — Я рассчитывал поговорить с ним минут десять.

— Вы обещали передать ему деньги?

— Обсудить остаток.

— Четыреста тысяч?

Зотов посмотрел на адвоката. Та не подала никакого знака.

— Такая цифра звучала. Как вариант. Не как безусловное обещание.

— Почему понадобилось сажать его за стол?

— Он приехал голодный. Я предложил перекусить, пока я закончу дела.

— А стул поставили до его приезда.

— Значит, заранее подумал, что человеку придётся ждать.

— Вчера вы сказали иначе.

— Вчера человек умер. Я растерялся. Всё это выглядело ужасно. Я не хотел, чтобы гости решили, будто ресторан виноват.

Адвокат подняла глаза, но не вмешалась.

— Почему вы называли его гостем со стороны невесты?

Зотов долго молчал.

— Потому что так было проще.

— Кому?

— Всем. Если бы я сказал, что посадил своего поставщика, координатор начала бы считать порции. Молодые — спрашивать, зачем я привёл постороннего. Мы бы объяснялись полчаса. Я собирался его накормить за наш счёт. Он должен был поесть и уйти.

Марина положила ручку.

— Вы понимаете, что объясняете сознательный обман нескольких человек?

— Да. Но не убийство.

Он произнёс это резко, и впервые за весь разговор она увидела за его вежливостью злость.

Она не ответила сразу. Управляющий был прав в том, что один обман ещё не доказывал другого. На свадьбе он мог действительно прикрыть неловкую деловую встречу обычной организационной ложью, а ночью испугаться её последствий.

— Что произошло после того, как он поел?

— Я подходил дважды. Один раз он разговаривал с Тимуром. Потом вышел. Я не мог бегать за ним через каждые пять минут.

— Вы обсуждали деньги наедине?

— В зале. Коротко.

— Где именно?

Он нарисовал на листе проход возле бара.

— Здесь. Я сказал, что сегодня не получится. Нужно в понедельник, через бухгалтерию.

— Он согласился?

— Ему не понравилось.

— Что он сказал?

— Что я его таскаю впустую. Что надоело. В грубой форме.

— Вы ответили?

— Что на празднике устраивать сцены не нужно.

— Дальше?

— Он ушёл к столу. Я занялся работой.

Время Зотов определял по программе: перед фотографированием у реки, до первого танца. Точных минут не называл.

— После восьми я почти всё время был на кухне, — сказал он. — Потом вышел посмотреть танец. Меня люди видели.

— Кто?

Он назвал повара, двух помощниц, бармена. Марина записала всех.

— В бельевую заходили?

— За день — много раз.

— Вечером, после разговора?

— Не помню. Возможно.

Адвокат попросила зафиксировать, что её доверитель не утверждает точно, заходил ли туда в указанный промежуток. Марина ответила, что так и записала.

Они ещё почти час разбирали доступ в помещения, обязанности сотрудников, расположение камер и другие встречи с Кочетовым. Зотов назвал мастерскую, брата, два старых выездных ремонта. Он сообщил подробности, которые легко было проверить, и не пытался сделать вид, будто едва знал погибшего.

Это было полезнее прежних отрицаний. Но легче от этого не стало.

Когда Марина дала ему прочитать протокол, он задержался над фразой про «со стороны невесты».

— Так глупо выглядит.

— Что именно?

— Вот это всё. Я хотел, чтобы человек спокойно поел.

Он взял ручку, перечитал лист ещё раз и подписал.

После их ухода Костин зашёл с телефоном.

— Нашёл разговор с водителем. Кочетов просил высадить у главного входа, не со стороны хозяйственного двора. Сказал: «Меня там ждут». Заказ завершён в семнадцать двенадцать. Проверим ещё запись.

Марина сравнила время с ночными заметками.

Стул приказали поставить примерно за полтора часа до этого.

— А ещё, — продолжил Костин, — Тимур Гареев сам интересовался, будут ли его вызывать.

— Почему?

— Говорит, знает кое-что важное. Только не по телефону.

Марина придвинула к себе чистый лист.

За окном проходили люди в лёгкой воскресной одежде. В торговом центре напротив кто-то развешивал на витрине жёлтые ценники. Она посмотрела на дату в верхнем углу протокола, чтобы не написать вчерашнее число, и записала имя Тимура.

Глава 5. Первый просмотр

В понедельник молодожёны пришли вместе, хотя вызывали их к разному времени. Роман держал прозрачную папку с паспортами и свидетельством о браке. Лида несла свёрнутую куртку. На её левой щеке оставалась крошечная блёстка, которой Марина сначала не заметила. Блестка обнаружилась, когда женщина повернулась к окну, и почему-то оказалась труднее всего остального: рядом с убитым уже лежали цветы, а на человеке ещё не успел закончиться праздник.

— Мы думали, понадобятся документы на ресторан, — сказал Роман. — Договор. Переписка. Я всё распечатал.

Папка была поделена закладками. Он готовился к этому утру, собирая бумаги, на которые мог повлиять.

Марина попросила его подождать в коридоре. Лида не оглянулась, когда муж выходил. Зато проверила рукой, куда поставила сумку, и придвинула её вплотную к стулу.

Начали с обычного: работа, адрес, родство, кто выбирал ресторан. Лида отвечала спокойно и подробно, но всё время смотрела на прозрачный угол папки, оставшейся у неё на коленях. Угол был надломлен. Она разглаживала его большим пальцем, а он снова вставал.

Ресторан предложила Ксения. Лиде понравилась терраса, Роману — что не надо самим заказывать столы, посуду и свет. Договор заключал он. Число гостей меняли трижды. Сначала хотели сорок человек, затем пятьдесят четыре, наконец пятьдесят восемь. Седьмой стол добавили, когда выяснилось, что родственница Романа приедет с мужем и детьми.

— За ним сидели ваши родственники?

— И наши, и его. Там не было деления. Мама просила посадить тётю Свету подальше от колонок. Эльвира Николаевна просила то же самое для своей подруги. В результате за седьмым почти одни взрослые оказались. Только младшего мальчика с матерью оставили, остальные дети — за восьмым.

— Вы составляли карточки с именами?

— Только план рассадки. На столах были цифры. Ксюша говорила, людям неприятно искать свою фамилию, как в поликлинике.

Марина показала снимок сложенного листка с зелёной надписью. Лида нахмурилась.

— Это из наших черновиков. Видите обратную сторону? Я печатала варианты меню. Но карточку не я писала.

Почерк на листке не выдавал преступника. У надписи была всего одна полезная особенность: кто-то хотел удержать за Кочетовым место, которое ему не принадлежало по первоначальной рассадке. Марина внесла ответ в протокол и спросила, когда Лида впервые увидела самого человека.

— Когда он поднялся для тоста.

— Он говорил тост?

— Нет. Поднялся вместе со всеми, а потом сел. Я решила, что передумал. Потом поняла, что просто пропускал женщину.

Она задумалась и отвернула надломленный угол папки.

— Простите. Это было совсем не так. Тост говорил папин знакомый, а тот мужчина сидел. Я их сейчас соединяю. Знакомый был в таком же пиджаке.

Марина дала ей время.

В коридоре кто-то смеялся по телефону. Лида повернула голову на звук, будто смех предназначался им. Потом опустила глаза.

— Вчера в комментариях написали, что мы его не узнаём нарочно. Будто надо быть совсем уж... Не знаю. Он сидит на нашей свадьбе, а мы его не знаем.

— Вы не обязаны были знать всех знакомых управляющего.

— Теперь это понятно. Тогда он был нашим гостем. И мне стыдно, что я даже не спросила имя.

— Кто сказал вам, что он со стороны вашей семьи?

— Кирилл. Я у него спросила, с кем тот мужчина пришёл. Ночью вам говорила.

— А у отца вы потом уточнили?

— Нет. Сначала у мамы спрашивала, она решила, что это знакомый Романа. После слов Кирилла я подумала, папин. И больше не успела.

Инна Астахова действительно сообщала ночью, что незнакомец, вероятно, пришёл от жениха. Марина не стала пересказывать дочери этот ответ. Теперь требовалось понять не то, кому легче поверить, а откуда каждый взял свою уверенность.

Лида дала переписку с координатором по организации. В одном из сообщений Ксения просила утвердить окончательный список до четверга. Лида послала таблицу на пятьдесят восемь человек. Следующее сообщение касалось детского меню. Павла там не было ни по имени, ни как безымянного сопровождающего.

— Я могу показать фотографии, — сказала Лида. — Олег вчера прислал несколько. Может, он там есть.

Она открыла телефон и положила его на стол экраном к следователю, но держала пальцы на краях. Убирать руки Марина не просила. Они листали вместе.

Роман под аркой смотрел на Лиду с таким непрактичным счастьем, что даже его тесный воротник переставал быть замечен. На следующем снимке Инна поправляла дочери волосы. Дети, придерживая друг друга за локти, рассматривали речную воду через щели настила. Кто-то поставил туфли под стол и стоял босиком на траве.

— Это он прислал ещё в субботу, — сказала Лида. — Во время ужина. А это вчера. Сказал, пока больше смотреть не надо.

За общим столом, в глубине кадра, виднелась серая голова женщины и плечо в синем пиджаке. Лида увеличила снимок. Лицо Павла оказалось закрыто поднятой рукой другого гостя.

— Больше нет, — сказала она быстро. — Здесь больше нет.

— Нам нужны будут исходные материалы у фотографа. То, что вы получили, мы тоже можем сохранить в установленном порядке.

— Он плохое всегда удаляет? Когда кто-нибудь с закрытыми глазами?

— Это лучше спросить у него.

Лида повернула телефон к себе. Несколько секунд она смотрела на собственное лицо под аркой, потом погасила экран.

После неё вошёл Роман. Он сел на тот же стул и начал с того, что у них была нормальная свадьба.

— То есть она не могла быть ненормальной, — поправился он. — Я сейчас не так сказал. У нас нет знакомых, которые бы... Там обычные люди были. Коллеги, родственники. Кто-то с кем-то мог выпить и поспорить, но это не такие люди.

Марина подумала о том, сколько раз уже слышала это разделение. Обычно оно сохранялось недолго: до первого неудобного вопроса про конкретного знакомого.

Роман знал Кочетова по работе. Монтировал стойку в кофейне, куда Павел привозил оборудование; общались недолго, года полтора назад. На свадьбе Роман его узнал, удивился, но решил, что тот приглашён от семьи Лиды.

— Вы сказали Лидии, что знакомы с ним?

— Нет. Мы виделись один раз. Это не знакомство.

— Однако вы его узнали.

— Я и кассиршу у дома узнаю.

Он осёкся, помолчал.

— Простите. Я не хочу грубить. Просто кажется, что любое слово теперь означает что-то другое.

— Тогда будем выяснять по одному. Вы подошли к нему?

Роман подошёл. Кочетов вспомнил его, спросил, закончил ли тот мастерскую. Жених ответил, что пока продолжает работать на выезде. Павел пожелал удачи, сказал: «За своё надо цепляться». На этом разговор закончился.

— Тимур был рядом?

Роман потянулся к папке и остановил руку.

— Где-то недалеко.

— Они знали друг друга?

— Думаю, да.

— Откуда вы знаете?

— Тимур у него что-то покупал. Для точки с шаурмой. Он собирался открыть, не открыл.

Я в этом не участвовал.

— А о ссоре между ними вы слышали?

— Тимур сказал, что они поговорили. Нормально.

Марина попросила передать их точные слова, насколько он помнил. Выяснилось, что «нормально» добавил сам Роман. Тимур сказал: «Всё, разобрались, не лезь». Жених не полез.

— Вы знаете, что было у Кочетова с губой?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Но именно так люди часто отвечали на то, чего боялись узнать.

— Он ударил его? — спросил Роман.

— Я спросила, знаете ли вы.

— Тимур бы мне сказал.

Снаружи стукнула дверь. Роман посмотрел туда, где сидела жена, и тихо повторил:

— Думаю, сказал бы.

Когда с протоколом было закончено, он спросил, можно ли им уезжать из города. На вечер вторника куплены билеты, на десять дней забронирован домик у моря.

Марина объяснила, что вызов свидетеля не равен запрету передвижения. Попросила заранее сообщить, где они будут и как с ними связаться, если потребуются новые следственные действия. Роман слушал, но облегчения на его лице не появилось.

— Она не хочет ехать, — сказал он. — Думает, люди решат, что мы веселимся дальше.

Марина не нашла ответа, который относился бы к её работе и мог помочь. Она только вернула ему документы.

За дверью Лида встала ему навстречу. Они не обнялись, не сцепили руки. Роман подхватил её свёрнутую куртку, и она позволила ему нести. Этого оказалось достаточно, чтобы Марина не захотела больше смотреть.

Фотограф приехал после обеда с ноутбуком, двумя внешними накопителями и своей женой за рулём. Жена осталась в машине. Олег пояснил это сразу, хотя никто не спрашивал:

— Я после ночной дороги. Снимал ещё вчера. Сам за руль боюсь.

У него было длинное загорелое лицо с белой полоской от ремня камеры на шее. Он принёс воду, поставил бутылку у стула и тут же извинился, словно превратил кабинет в место для отдыха.

Марина сначала выслушала его, затем пригласила специалиста для работы с передаваемыми файлами. Олег согласился предоставить материал съёмки целиком, а не только отобранные кадры. Оформление заняло время, которое он явно собирался провести иначе.

— Вы понимаете, там будет много мусора? Пол. Размазанные лица. У меня серийная съёмка. Это не готовые фотографии.

— Нам важно, что попало в кадр.

— Я знаю. Просто потом люди видят своё лицо в середине слова и думают, что я так снимаю.

— Эти файлы не свадебный альбом.

Олег кивнул, но не успокоился. Пока специалист сверял накопители и каталоги, фотограф рассказывал о разнице между файлами с камеры и картинками, которые он посылает клиентам. Марина останавливала его только тогда, когда объяснение начинало повторяться.

Снятых файлов было больше двух тысяч. Часть — дубли. Два корпуса камеры, разные объективы; первый он носил на шее, второй чаще оставлял в сумке. Видео короткое, для нескольких вставок. Основную запись танца снимали на телефон молодожёнов, установленный у пульта ведущего.

— Часы в камерах выставлены правильно?

— По-моему, да.

— Когда проверяли?

Олег провёл ладонью по лицу.

— Не помню. Весной. Может, зимой. Они сами никуда не переводятся.

— А между собой совпадают?

— Должны. Я потом синхронизирую, если надо.

— Вы синхронизировали эти файлы?

— Нет. Я ещё к ним не приступал.

Это было полезнее уверенного «всё правильно». Временные отметки пока могли показывать лишь порядок снимков с одной камеры. Марина записала модели устройств и попросила Олега сохранить их настройки до отдельной проверки.

Первым открыли общий вид зала до приезда гостей. На белой скатерти седьмого стола лежали четыре перевёрнутых бокала; с противоположной стороны официантка ставила ещё два. В кадр у края входил Артём с белым стулом. Круглая потёртость на сиденье была видна отчётливо.

— Когда это снято?

— До их приезда. Я снимаю сервировку, потом встречу. Видите арку через окно? Там ещё флористы лестницу не убрали.

В следующем кадре стул уже стоял на месте. На дальнем плане Зотов держал ладонь над столом, показывая куда-то влево. Лена смотрела на него, согнув руку с подносом.

Так свидетельские «до четырёх» получили отдельную опору. Но управляющий уже не спорил с тем, что место приготовили заранее. Фотография подтверждала факт, который ещё вчера показался бы прорывом, а сегодня стал частью его объяснения.

Марина попросила перейти к вечеру.

Павел Кочетов появлялся на снимках несколько раз. Разговаривал с пожилой женщиной; придерживал стул мальчику; стоял у прохода, пока Артём собирал тарелки. Улыбался немного набок. На одном снимке было заметно, что верхние зубы у него неровные. Марина вспомнила белую полоску под губой мёртвого и заставила себя смотреть дальше.

Кадров его встречи с Зотовым у стойки Олег сразу не нашёл.

— Вы их снимали?

— Я снимал зал. Там всё время кто-то разговаривал.

— Вы видели ссору?

— Видел, как двое стоят. Про ссору я потом уже услышал.

— От кого?

— В чате. Там все пишут.

— Вы можете сейчас показать весь ряд с этого момента, включая неудачные снимки?

Олег сдвинул ноутбук к себе, но специалист попросил работать с подготовленной копией. Фотограф отнял руки и сложил их на коленях.

В ряду оказался кадр, который прежде не открывался. Зотов был снят со спины, Павел — вполоборота. Павел прижал ладонь к барной стойке; между пальцами темнела полоска, похожая на ремень сумки. Рядом лежал телефон экраном вверх; Зотов придерживал его за края. Ни угрозы, ни оружия на снимке не было. За ними отражалась часть зала, а в зеркале над стойкой — белый рукав официанта.

— Почему вы его пропустили?

— Я не пропустил. Он помечен как неудачный. Гость некрасиво... Ну, выражение. Заказчику такое не отдаю.

— Но файл остался?

— Конечно. До сдачи я вообще ничего не стираю.

Марина всмотрелась в руку Павла. Этот кадр не доказывал даже громкого разговора. Зато позволял поставить встречу между двумя другими событиями, если удастся сопоставить последовательность с независимой записью.

На снимке первого танца Зотов стоял возле колонны, чуть позади Эльвиры. Его лицо было обращено к молодым. Он хлопал, и левая манжета приподнялась над тёмным ремешком часов.

Олег обернулся к Марине.

— Вот. Я так и говорил. Он был там. Почти весь танец я его видел.

— Я записала.

— Значит, всё нормально?

Фотограф спрашивал не из сочувствия к Зотову. Ему хотелось, чтобы хоть один человек в этом вечере получил простое, прежнее место.

— Это означает, что он был в зале, когда вы сделали этот снимок, — ответила Марина. — Остальное будем проверять.

Когда Олег ушёл, Костин заглянул в кабинет. Он успел забрать у ведущего контакты диджея и договориться о сохранении записей. На обратном пути купил два пирожка, один отдал Марине.

— Тимур завтра к девяти. Сегодня у него адвокат не может.

— Пусть приходит с адвокатом.

— И Осипова вернулась. В ресторане всем устроила. У неё юбилей вчера сорвался.

— Там человек погиб.

— Я ей примерно это и сказал. Она ответила, что понимает. Потом спросила, кто будет платить за сорок порций.

Марина взяла пирожок, но положила на салфетку. На экране оставался общий план зала до свадьбы: ровные приборы, лестница за окном, человек со стулом в руках. Всё, что ещё не произошло, помещалось за краями этого снимка.

— Нам надо отдельно спросить кухню, — сказала она. — Когда Кирилл туда пришёл и уходил ли.

— Спрошу. Раиса Михайловна уже звонила. Ей велено вспомнить точно.

— Кем велено?

Костин снял кепку, потёр лоб и посмотрел на тот же снимок.

— Управляющим. Кто же у них ещё распоряжается.

Глава 6. Чужая смена

К обеду вторника ресторан снова принимал посетителей. Работала только терраса. В большом зале сдвинули столы к окнам, и Лена, зайдя за расчётом, не сразу поняла, где стоял седьмой. Белый стул исчез. На полу осталась полоска липкой ленты, которой координатор отмечала место световой стойки.

Её звали в ресторан на понедельник, но потом Зотов написал: «Кассу перенесли на завтра». Лена не знала, как можно перенести кассу. Ответила, что приедет к двенадцати, потому что в три у неё зачёт.

У стойки Артём пересчитывал полированные ложки.

— Ты уже получил?

— Часть.

— А я ни части, ни целого.

Он поднял глаза, кивнул на дверь конторы.

— Осипова там. Лучше сейчас. Пока не уехала.

Лена никогда не видела собственницу. Представляла женщину с высокой причёской, похожую на хозяйку свадебного салона возле её дома. Из конторы вышла невысокая полная дама в джинсах и кроссовках. В руке у неё был блокнот с загнутыми углами. Дама спросила, кто Лена, хотя Лена стояла перед ней, одна девушка среди трёх мужчин.

— Это я.

— Почему вы у меня не оформлены?

— Я не знаю. Меня Ксения звала.

— Ксения вам кто?

— Никто. Мы с ней работали в марте. На выставке.

Осипова перевернула страницу блокнота.

— У меня за субботу оплачен персонал. Три официанта и мой штат. Вы входите в этих трёх?

— Я на восьмичасовую смену. Потом продление.

— Это не ответ.

Лене захотелось развернуться. На зачёт она могла уйти голодной, но за комнату платить было нечем, а шесть тысяч пятьсот рублей, которые ей обещали с продлением, не становились меньше от того, что в ресторане случилось убийство.

— Я не считала, в кого я вхожу. Мне написали место и время. Я приехала. Отработала. Увидела мёртвого человека. Если это тоже входит в смену, запишите.

Артём перестал пересчитывать ложки.

Осипова посмотрела на Лену уже иначе, устало и без прежнего нажима.

— Сколько вам должны?

Лена показала переписку. Собственница прочла, набрала кому-то и долго слушала гудки. Потом сказала в трубку:

— Ксюша, мы с тобой вечером. Сейчас переведёшь девочке деньги. Нет, это не обсуждение услуг, оказанных с недостатками. Она здесь стоит. Она работала.

Зотов появился из коридора, когда телефон Лены ещё лежал на стойке. У него была светло-серая рубашка с короткими рукавами. На левом запястье — те же часы, которые она запомнила в субботу, потому что застёжка тогда зацепила салфетку.

— Галина Викторовна, я же сказал, рассчитаемся сегодня.

— Так рассчитывайтесь.

Она ушла к двери, разговаривая по телефону с поставщиком напитков. Зотов дождался, пока дверь закроется, и повернулся к Лене.

— Зачем шуметь? Тебе кто-то отказал?

— Мне второй день говорят приходить завтра.

— Вообще-то у нас тоже не праздник сейчас.

Лена посмотрела на Артёма. Он держал ложку за самый кончик, словно проверял равновесие.

Деньги пришли через четыре минуты. От Ксении. Без сообщения, отдельным переводом. Лена проверила сумму и убрала телефон.

— Спасибо.

— Это Ксении спасибо, — сказал Зотов. — И постарайтесь теперь все работать нормально. Без обсуждений на каждом углу.

Она уже собралась уходить, когда он позвал её по имени.

— Тебе ещё звонили? По субботе.

— Кто?

— Ну, эти. Следовательно.

— Да.

— Я Раисе сказал: надо всем восстановить порядок. Пока каждый по-своему вспоминает, получается чёрт знает что. Один до танца, другой после. А у нас кухня, выдача, служебный проход. Это работа, её можно восстановить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.